Метаморфозис. 2025. Т. 9. № 3. С. 27-43.
Metamorphosis. 2025. Vol. 9. N. 3. P. 27-43.
УДК 141

Полюс активности и полюс пассивности в экзистенциальной рефлексии о технике в русской философии: Николай Бердяев и Владимир Бибихин[1]

Илья Павлов, кандидат философских наук, доцент, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), elijahpavloff@yandex.ru

В статье рассматривается экзистенциальная рефлексия о технике в русской философии на материале концепций Н.А. Бердяева и В.В. Бибихина. Показано, что названные концепции представляют собой полюс активности и полюс пассивности в вопросе о технике соответственно: если Бердяев критикует подавленность человека техникой, призывает нас к агентному и субъектному отношению к технике, то объектом критики Бибихина становится «империализм человека» и активизм. Позиции Бердяева и Бибихина анализируются в широком контексте проблемы научно-технической цивилизации и модерна в целом, а также специфических черт рефлексии о технике в истории русской мысли. Демонстрируется, что, несмотря на существенные различия, и Бердяев, и Бибихин в равной мере критикуют отчужденные способы восприятия человеком своих отношений с миром, хотя и трактуют источники этого отчуждения по-разному, что объясняется различием онтологических оснований философских концепций двух мыслителей.

Ключевые слова: философия техники, история русской философии, экзистенциальная философия, техническая цивилизация, Николай Бердяев, Владимир Бибихин

Для цитирования: *Павлов И.И.* Полюс активности и полюс пассивности в экзистенциальной рефлексии о технике в русской философии: Николай Бердяев и Владимир Бибихин // Метаморфозис. 2025. Т. 9. № 3. С. 27-43.

Дата поступления: 15.02.2025.

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-28-00273 «Рефлексия о технике в русской философии культуры XX-XXI веков как ответ на антропологический кризис и технократический императив современности».

Введение

Когда мы обращаемся к проблемному полю философии техники, то обнаруживаем, что важное место в нем занимает экзистенциальная рефлексия о технике. Каким образом техническое развитие и распространение технической цивилизации влияет на нас, на наше взаимодействие с миром, на наши способы понимать, кто мы такие, на выстраивание отношений с миром и самими собой? С какими экзистенциальными возможностями человека связана техника, закрывает ли она какие-либо возможности и открывает ли новые? Подобными вопросами задавались не только классики философии техники; эти вопросы и сегодня не теряют своей актуальности – уже в новых условиях. Так, например, К. Келли, обрисовывая перспективы развития искусственного интеллекта и замены ряда человеческих профессий деятельностью ИИ, подчеркивает, что таким образом ИИ подталкивает человека к тому, чтобы заниматься вопросами, которые не может решить ИИ, – в частности, осмыслением того, что же такое «человек», если традиционные определения – например, как рационального существа – больше не позволяют отличить его от машины[2].

При этом хочется подчеркнуть: обращаясь к экзистенциальному аспекту философии техники, я не утверждаю, что к нему все сводится. Разумеется, есть и другие измерения философии техники (например, этика, сталкивающаяся с необходимостью решать новые проблемы в ситуации распространения искусственного интеллекта); более того, для осмысления техники важны не только философские подходы, но и, например, таковые социологии, эмпирической психологии, политологии, экономики и др. Эти подходы связаны с разными уровнями феномена техники. Тем не менее, экзистенциальный ракурс рассмотрения крайне важен – как и в целом в нашей сложной действительности важно ее экзистенциальное измерение.

Критическая рефлексия о технической цивилизации и, в целом, о проекте модерна представляет значимую часть русской философской традиции[3]. При этом, как показывает Т.Ю. Сидорина, русские философы, как правило, призывали не к отказу от науки и техники, а к альтернативному пути развития, не противопоставляющему техническое и поэтическое; этот путь Т.Ю. Сидорина обозначает формулой «прогресс, который мы потеряли»[4]. Чтобы понять характерные черты рефлексии о технике в русской

---

[2] *Келли К.* Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее / Пер. с англ. Ю. Константиновой и Т. Мамедовой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. С. 63-64.

[3] См. напр.: *Соловьев А.П.* Образы секуляризации в русской религиозной философии второй половины XIX века // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 4 (12). С. 108-126.

[4] *Сидорина Т.Ю.* Прогресс, который мы потеряли: о выборе альтернативных путей социального развития и противостоянии технической экспансии в русской философии XIX–

Автор рисунка – Анастасия Сухарева[10]

традиции, отметим чувствительность многих русских философов к теме природы, к ответственности человека перед растениями и животными, к недопустимости превозношения над ними – призыв к чему мы видим, в частности, в словах старца Зосимы из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского и комментариях к ним В.В. Розанова[5]. Примеры экологически чувствительной философии, помимо хрестоматийного случая русского космизма[6], а также философии Н.Н. Страхова[7], мы можем, как показывают исследователи, выделить в работах Д.М. Велланского[8], М.М. Пришвина[9] и др. В этом контексте нельзя забывать и об экологически ориентированной теологии Т.М. Горичевой[11]. Данные направления можно отнести к романтической ветви философии, характеризующейся критикой модерна, обращением к темам жи-

XXI вв. // Вестник РГГУ. Серия «Социология. Философия. Искусствоведение». 2023. № 4, ч. 2. С. 235-245.

[5] *Розанов В.В.* Около церковных стен. М.: Республика, 1995. С. 11-21.

[6] Русский космизм: антология философской мысли / Сост. С.Г. Семеновой и А.Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993.

[7] *Страхов Н.Н.* Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб.: Тип. К. Замысловского, 1872.

[8] *Щедрина И.О.* Экология современной медицины: предвосхищающие идеи Д. Велланского // IV конгресс Русского общества истории и философии науки «Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире». М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. С. 175-179.

[9] *Кнорре Е.Ю.* Философия земли М.М. Пришвина в контексте экотеологии // Крестьяноведение. 2024. Т. 9. № 3. С. 73-91.

[10] На иллюстрации изображены противопоставленные, но соединенные друг с другом портреты Бибихина и Бердяева, олицетворяющие два полюса экзистенциальной рефлексии в русской философии. Геометрический фон с изображениями шестеренок обозначает поле исследования мыслителей – философию техники.

[11] *Горичева Т.* Блажен иже и скоты милует. Любляна: Logos, 2000.

вой природы и, одновременно, уникальности человеческого «Я»[12] – что не означает «устаревшести» подобной философии, особенно в свете интереса современной мысли к разного рода «темным онтологиям» и вообще теме «темного»[13].

При этом необходимо подчеркнуть, что все же в отечественной философской традиции мы можем встретить подчас противоречащие друг другу позиции по вопросу о технике. В самом общем виде эти позиции можно обозначить как полюса активности и пассивности – полюса, характерные и для западной философии техники, и в целом связанные с маятниковыми колебаниями между модернизационными и контрмодернизационными тенденциями в интеллектуальной истории[14]. В этой статье я проиллюстрирую данные полюса фигурами Н.А. Бердяева и В.В. Бибихина. Обрисовав взгляд каждого из них на экзистенциальное измерение техники, я затем покажу, что подходы философов не настолько противоречат друг другу, как это может показаться на первый взгляд.

Сопоставляя взгляды Бердяева и Бибихина в контексте экзистенциальной рефлексии о технике, необходимо для начала уточнить, что сам Бибихин не называл себя экзистенциалистом, не использовал термины «экзистенциальный», «экзистенция», не ставил задачи разрабатывать эксплицитно экзистенциальную философию (в отличие от Бердяева). Тем не менее, по сути философия Бибихина представляет собой анализ экзистенциальных структур нашего существования, экзистенциальную аналитику – что видно уже по началу курса «Мир»[15], – но в смысле не Ж.-П. Сартра, а М. Хайдеггера (который, в отличие от Сартра, также не называл себя экзистенциалистом): Бибихин осуществлял анализ структур человеческого существования как связанных с герменевтикой бытия и мира, ориентируясь на герменевтический круг понимания себя и понимания мира в Dasein как бытия-в-мире[16]. В философии техники Бибихин наследовал Хайдеггеру, и в статье «Философия и техника» анализировал не технику как изобретения, а технику как экзистенциал, – отсюда неожиданные темы о школе мысли и другие темы, связанные, на первый взгляд, не с техникой в конвенциональном смысле. Так, если сравнивать позиции русских мыслителей с западной философией, то Бердяев – философ сартрианского типа[17] и исходит из субъ-

---

[12] В рамках социальной теории эта ветвь философии может быть описана как компенсация модерна. См.: *Соловьев А.П.* Русская религиозная философия XIX – первой половины XX вв. в контексте истории религии: от религиозной конверсии к культур-критике и конфессионализации // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 1 (13). С. 118-134.

[13] См., в частности, номера 3 и 4 журнала «Логос» за 2019 г.

[14] *Михайловский А.В.* Маятник модерна: дискуссии о технике в Германии. М.: Академический проект, 2024.

[15] *Бибихин В.В.* Мир. Томск: Водолей, 1995.

[16] *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.

[17] Если говорить не о религиозной позиции, а о том, исходит ли автор из субъекта или из

екта; то, что Бердяев, в отличие от атеиста Сартра, религиозен, не должно обманывать: само христианство Бердяев осмысляет так, чтобы оно не подпадало под то направление критики, пример которой мы видим у Сартра[18]. Конечно, речь здесь идет не о влиянии Сартра (Бердяев сформулировал основания своей философии до выхода основных трудов Сартра и независимо от него), а о том, что они оба развивают логику экзистенциальной свободы, которая как возможность существовала в культуре и обществе независимо от их концепций. Бибихин же, очевидно, относится к типу хайдеггерианскому, отталкивающемуся от критики примата субъекта и осмысляющему человека как «пастуха бытия»[19], т. е. исходящему из бытия и мира; в случае Бибихина и Хайдеггера налицо прямое влияние.

Полюс активности: Николай Бердяев

Ключевым для реконструкции рефлексии Бердяева о технике является небольшая статья 1933 г. «Человек и машина»[20], которую, тем не менее, необходимо прочитывать в контексте философии Бердяева в целом. В этой работе Бердяев вводит различие организма и организации: организация, в отличие от организма, зависит от планирующей воли организатора – но в организации есть инерция, которая может порабощать организатора. Биология же и теория эволюции в конце концов исходят из принципа организма. Главный смысл технической эпохи, по Бердяеву, – переход от органической жизни к организованной, от растительности – к конструктивности. Но изобретенная духом техника сама хочет сделать человека машиной.

Бердяев подчеркивает, что и раньше человеком создавались новые реальности – в искусстве; но техника не символизирует другие миры, «в ней реальность дана тут, непосредственно»[21]. Это влияет и на искусство, например, театр вытесняется кинематографом. Действительность, открываемая техникой, – не духовная, а сверхфизическая. По Бердяеву, через технику создается новый космос, поскольку наряду с органическими телами возникают тела нового рода – организованные тела, отличные и от неорганической, и от органической природы. Говоря об этом, Бердяев эксплицитно ставит задачу рассмотрения техники в экзистенциальной философии, подчеркивая, что недостаточно осмыслять технику из философии социальной. В рамках экзистенциальной критики техники Бердяев негативно характе-

---

бытия.

[18] *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Под ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 319-344.

[19] *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 192-220.

[20] *Бердяев Н.А.* Человек и машина // Философия творчества, культуры и искусства. М.: Искусство, Лига, 1994. С. 499-523.

[21] Там же. С. 507.

ризует технизацию духа и разума, особенно эсхатологию техники и экономики в современном ему СССР.

Смысл техники, по Бердяеву, заключается в том, что она заканчивает период, когда человек определял себя через природу как мать, пассивно; наступает активная эпоха. Для этой эпохи характерно понимание Земли как планеты, отказ от античного и средневекового космоса; данный пересмотр начался у Коперника; человек потерял опору в традиционном космосе и перенес точку опоры в субъект, в «Я». Техника с одной стороны несет комфорт и размягчает, но с другой – требует бесстрашия: в техническую эпоху человек управляет землей и пространством-временем, он, по Бердяеву, возмужал и не нуждается в защите матери. Техника умеет управлять массами, так что все делается мировым, массовым. Есть, подчеркивает Бердяев, демократизм техники.

В связи с этим Бердяев радикально размежевывается с исключительно негативной оценкой научно-технического прогресса. Критически философ говорит о настроениях тех, кто вздыхает о прошлом мире: в последнем было угнетение, рабство, о чем, по Бердяеву, нельзя забывать. При этом, подчеркивает Бердяев, в памяти мы идеализируем прошлое, т. е. любим вечное прошлое, идеализированное в творческом акте; возврата же к действительному прошлому нет, и нам надо идти дальше: «Эпоха неслыханной власти техники над человеческой душой кончится, но кончится она не отрицанием техники, а подчинением ее духу»[22]. Будущее, говорит Бердяев, сложно, и будут реакции против техники, но от техники люди не откажутся; будет, считает Бердяев, и какая-то связь с землей (это замечание показывает, что Бердяев учитывает существование в обществе тех тенденций, которые условно можно отнести к романтической, компенсирующей модерн ветви).

При этом Бердяев, конечно, много говорит и об опасности техники. Он, однако, подчеркивает: в первую очередь опасна техника не для духа, а для души, сердца, эмоциональности, т. е. гуманизма и человечности именно в этом плане. Силы техники могут быть направлены по-разному, возможно их тираническое употребление – поэтому техника требует нравственного, духовного аспекта, взывает к новому героизму; человек может быть порабощен и уничтожен силой техники. Бердяев предлагает нам представить антиутопию: есть силы, позволяющие человеку господствовать над миром, но он сам сначала становится машиной, а потом и вовсе оказывается уничтожен как вид. Так, вопрос о применении техники оказывается вопросом жизни и смерти. Избежит ли человек тяжелой участи, зависит от силы духа; но человеческий дух, по Бердяеву, сможет справиться, только если не потеряет связи с Богом.

---

[22] *Бердяев Н.А.* Человек и машина // Философия творчества, культуры и искусства. М.: Искусство, Лига, 1994. С. 513.

Под влиянием техники, по Бердяеву, меняется и тип религиозности – к лучшему:

> В техническую, машинную эпоху ослабевает и делается все более и более затруднительным наследственный, привычный, бытовой, социально обусловленный тип религиозности. Религиозный субъект меняется, он чувствует себя менее связанным с традиционными формами, с растительно-органическим бытием. Религиозная жизнь в техническо-машинную эпоху требует более напряженной духовности, христианство делается более внутренним и духовным, более свободным от социальных внушений. Это неизбежный процесс. Религиозная жизнь делается более личной, более выстраданной, т. е. определяется духовно[23].

Но есть и негативное влияние техники на религиозную жизнь, связанное с тем, что техника меняет восприятие времени: мгновения сменяют друг друга, время понимается как движение к следующему мгновению, нарастает скорость – так что в итоге времени не остается. Новое понимание и чувство времени затрудняет восприятие вечности. Это, по Бердяеву, отнюдь не значит, что прошлое ближе к вечности, поскольку «как и в прошлом, и в будущем, и во все времена, возможен выход в вечность, в самоценное, наполненное мгновение»[24], возможно созерцание вечности, Бога, истины, красоты. Человек имеет активное призвание, в чем Бердяев видит правду актуализма. Но человек способен и к созерцанию, в котором есть элемент, определяющий «я» человека и связанный с творчеством: «В самом созерцании, т. е. в отношении человека к Богу, есть творчество»[25].

Личности трудно удержаться в технической цивилизации. Бердяев пишет:

> Личность во всем противоположна машине. Она прежде всего есть единство в многообразии и целостность, она из себя полагает свою цель, она не согласна быть превращена в часть, в средство и орудие. Но техническая цивилизация, но технизированное и машинизированное общество хотят, чтобы человек был их частью, их средством и орудием, они все делают, чтобы человек перестал быть личностью[26].

По Бердяеву, нам предстоит борьба между личностью и техникой. Для ограничения же техники, по Бердяеву, требуется восстановление иерархии ценностей – но не в смысле возврата к старой жизни. Должен, говорит Бердяев, появиться новый человек – но не человек машины, что было бы истреблением человека, заменой его другим существом, поскольку человек,

---

[23] *Бердяев Н.А.* Человек и машина // Философия творчества, культуры и искусства. М.: Искусство, Лига, 1994. С. 516.

[24] Там же. С. 517.

[25] Там же.

[26] Там же. С. 517-518.

оторванный от вечности, перестанет быть человеком. Вопрос, по Бердяеву, заключается в том, быть или не быть человеку – не старому человеку, а человеку вообще.

Завершает свой текст Бердяев развернутыми размышлениями о философии Н.Ф. Федорова[27]. В проекте Федорова Бердяева привлекает соединение использования техники с христианством. Бердяев говорит об актуальности Федорова, критикуя пассивное понимание апокалипсиса; его, комментирует Федорова Бердяев, можно избежать, если преодолеть разделение теоретического и практического разума, создать царство любви и правды. Таким образом, нельзя говорить, что в связанных с техникой проблемах виновата машина, что она унижает человека.

Идеи Бердяева из «Человека и машины» становятся лучше понятны в контексте философского проекта русского мыслителя в целом. Наиболее непосредственно с общей философией Бердяева связаны те фрагменты из «Человека и машины», где философ касается религиозной темы. Так, соединение религии с апологией человеческой активности[28], человеческого творчества было характерно для философии Бердяева на протяжении всего творческого пути мыслителя – от участия в дискуссиях о «новом религиозном сознании» до позднего периода. Бердяев выступал против понимания христианства как культа подавленности человека своей греховностью и Богом, когда Тот понимается как внешняя человеку сила и власть, требующая подчинения под угрозой вечных мук, а не как абсолютное Добро и Любовь. То, что Бердяев критиковал, он называл «трансцендентизмом» и видел трансцендентизм как в понимании Бога как подчиняющей человека извне силы, так и в подавленности человека внешним миром – «природой» как объектом естественных наук и социальными процессами. При этом Бердяев видел опасность в атеистических формах человеческой эмансипации, также рискующих сорваться в культ силы и могущества, в новую тиранию. Для Бердяева, как и для автора понятия «новое религиозное сознание» Д.С. Мережковского, было важно соединение христианства с достижениями современности, критика «исторического христианства»[29]. В этом оба автора продолжали идеи В.С. Соловьева[30]. Потому не удивительно, что в рефлексии о технике Бердяев занимает «полюс активности», говоря об ответственности человеческого духа за использование техники, о том, что выход из ситуации

---

[27] Значение традиции космизма для рефлексии о технике и природе в истории русской мысли уже было упомянуто.

[28] Ср.: *Бердяев Н.А.* Христианство и активность человека. Париж: YMCA-Press, 1929.

[29] Об этом всем подробнее см.: *Павлов И.И.* Влияние секулярных и антисекулярных аспектов «нового религиозного сознания» на становление метафизики Н.А. Бердяева / дисс. ... канд. филос. наук (09.00.03). М.: НИУ ВШЭ, 2021.

[30] О них см.: *Антонов К.М.* «Как возможна религия?»: Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX-XX веков. В 2 ч. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020. Ч. 2. С. 330-336.

подчинения человека технике – не в отказе от техники, а в понимании человека как субъекта и конечного агента техники[31]. При этом, согласно христианской философии Бердяева, дух человека все же должен не стремиться к господству, к «воле к власти», а свободно ограничивать себя истинными ценностями и религиозной связью с Богом. Из этого же становится ясно, почему Бердяев положительно оценивал идеи Федорова, осмысляя их в духе критики пассивного ожидания апокалипсиса.

Кроме этой темы, вопрос о технике как возможности человеческого духа активно воздействовать на природу также связан с философией Бердяева. Похожие пассажи мы встречаем в «Смысле творчества»[32] и ряде других работ. Они связаны с общей онтологией Бердяева, характеризуемой различением духа (субъект) и его объективации (природный и социальный мир)[33]. Апология свободы духа также вытекает из этой онтологии, из критики ситуации, когда человеческий дух оказывается в плену у мира – что и происходит, когда человек оказывается объектом, а не субъектом техники.

При этом в «Человеке и машине» можно увидеть и параллель между мыслями Бердяева и рефлексией о технике у Хайдеггера. Дело в том, что немецкий философ тоже прослеживал причины возникновения техники вплоть до новоевропейской картины мира, ставящей субъекта в центр – однако, в отличие от Бердяева, оценивал это явление исключительно негативно[34].

Полюс пассивности: Владимир Бибихин

В близком Хайдеггеру ключе размышлял и Бибихин – в чем-то, однако, смягчая критику Хайдеггера и тем самым оказываясь в более близкой Бердяеву позиции, чем немецкий мыслитель, – в вопросе о истории европейской науки. Однако в целом Бибихин, в противовес Бердяеву, находится на полюсе пассивности.

В «Философии и технике» (1987 г.) – центральном тексте Бибихина, посвященном проблеме техники, – Бибихин констатирует, что Европа пошла по тому пути научно-технического развития, в котором техника оказывается беззащитна перед «грабежом» и встраивается в систему «империализма человека» – практик технического господства над природой. Грабе-

---

[31] Ср. эту мысль Бердяева с актуальными дискуссиями о технике: *Ненадышук Е.М.* Пределы технологического детерминизма: антропологическое измерение автоматизации в дискуссиях о будущем труда // Человек. 2024. Т. 35. № 4. С. 81-89.

[32] *Бердяев Н.А.* Смысл творчества // Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 251-580.

[33] *Бердяев Н.А.* Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 163-286.

[34] *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 221-238. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Там же. С. 41-62.

жом Бибихин называет определенную когнитивную установку, для которой характерно вырывание познаваемого из его собственной среды; Бибихин показывает, что именно грабеж, а не техника и даже не научное мышление, оказывается предпосылкой технической эксплуатации природы. В качестве альтернативы грабежу Бибихин рассматривает такой тип мышления, который не относится к познаваемому как к «объекту», но узнает в познаваемом свое. Этот тип мышления Бибихин обнаруживает в науке Леонардо да Винчи[35].

Более подробно к опыту да Винчи Бибихин обращается в книге «Новый ренессанс». В ней русский философ на материале текстов да Винчи демонстрирует, что тот понимал планету как свое тело, ощущал ее, и именно из этого опыта проектировал свои изобретения. Его мышление Бибихин видит как развитие того поэтического постижения мира, которое можно обнаружить у Данте и Петрарки. Таким образом, в событии Ренессанса, по Бибихину, происходит открытие мира, в том числе в научных и технических практиках. На этой точке человек может отнестись к миру как своему; познание и техника становятся заботой о мире. В отличие от Хайдеггера, Бибихин не только технические изобретения, но и само научное и техническое мышление не считает проблемой; проблемой оказывается то, какое отношение человека к миру стоит за наукой и техникой[36]. По Бибихину, после Леонардо да Винчи в западной цивилизации происходит срыв, так что научно-техническое развитие в дальнейшем идет по пути грабежа и «империализма человека».

Тот тип мышления о природе и обнаружении природы в нас, который реализует заложенную в мышлении да Винчи потенцию обращаться к науке в оптике узнавания природы как своего, Бибихин разрабатывает в лекционном курсе «Лес», где обращается в том числе к научным биологическим концепциям. Для логики «Леса» важную роль играют концепты «автомат» и «амехания», используемые как категории онтологии природы: автоматами оказываются растения, животные, генетика и сам мир, а амехания оказывается встроена в природную жизнь[37]. Тем не менее, изначально данные понятия Бибихин ввел в лекционном курсе «Чтение философии» как экзистенциалы человека[38]. Такое смещение значения при более внимательном прочтении не оказывается противоречием, если прочитывать этот сюжет в контексте идеи Хайдеггера о герменевтическом круге между пониманием нами себя и мира. Более того, взаимопереход экзистенциальных и онтологических категорий обусловлен стратегией «Леса» Бибихина – предложить такую философию природы, в которой последняя рассматривалась бы в

[35] *Бибихин В.В.* Философия и техника // Другое начало. СПб.: Наука, 2003. С. 347-362.
[36] Подробнее см.: *Бибихин В.В.* Новый ренессанс. М.: Наука, Прогресс-Традиция, 1998.
[37] *Бибихин В.В.* Лес (hyle). СПб.: Наука, 2011.
[38] *Бибихин В.В.* Чтение философии. СПб.: Наука, 2009. С. 76-77.

оптике «узнавания познаваемого как своего», что Бибихин считает альтернативой мышлению в режиме грабежа, который и является, по Бибихину, первопричиной таких негативных проявлений научно-технической цивилизации, как техническая эксплуатация природы. Более того, обсуждаемый взаимопереход обусловлен и самим содержанием концептов амехании и автомата: по Бибихину, амеханию человек устраивает себе не сам, она с ним случается, как и мышление и экзистирование в режиме автомата: в этом режиме человек уже не оторванное от мира «сознание», но в нем конечным субъектом мышления оказывается сам мир.

Таким образом, Бибихин культивирует отношение к технике на полюсе пассивности. По Бердяеву же, напротив, выходом оказываются не практики «узнавания в природе своего» (такая онтологическая модель противоречит онтологии Бердяева с теорией объективации и тезисом о нахождении духа в плену у мира), а переприсвоение человеческим духом техники, агентное к ней отношение из ответственности, в т. ч. христианской. Так, в русской мысли мы видим как активный, так и пассивный полюсы рефлексии о технике, что совпадает с существующими в западной философии позициями по вопросу о технике. При этом, как показал А.В. Михайловский[39], ранний Бибихин (мысли которого мы знаем благодаря недавней публикации «отдельных записей»[40]) в рефлексии о технике относился скорее к полюсу активности и был близок Бердяеву; позиция Бибихина изменилась после реферирования текстов позднего Хайдеггера в рамках работы в ИНИОН РАН. Но даже у позднего Бибихина есть ряд сходств с мыслью Бердяева.

Во-первых, можно увидеть сходства как в самой постановке проблемы, так и на концептуальном уровне: различие организма и организации можно сравнить с таковым автомата и механизма. У Бердяева, к слову, эти термины тоже понимаются расширенно: общество может существовать по типу организма и по типу организации; различие в том, что организм устроен по имманентному ему целевому принципу, а цель организации дается извне человеком. Однако если Бибихин оценивает механизм исключительно негативно, Бердяев, судя по всему, считает возможным направление организации на благие цели.

Во-вторых, есть сходство и содержательное. Критика пассивности в вопросе о технике у Бердяева, как уже говорилось, была связана с его философским проектом, в частности, – с критикой трансцендентизма. Оба автора предлагают не отказаться от техники, а экзистенциально ее переосмыслить, но у них разная оценка мира. У Бердяева мир понимается через формулу «дух человеческий – в плену»[41], у него есть категория духа и дух должен свободно действовать, выйти из плана объективации и в т. ч. сво-

---

[39] В докладе на Чтениях памяти Владимира Бибихина (Бежецк) в 2024 г.

[40] *Бибихин В.В.* Отдельные записи 1965-1989 годов. СПб.: Владимир Даль, 2022.

[41] *Бердяев Н.А.* Смысл творчества. С. 254.

бодно управлять миром. У Бибихина мир однозначно позитивен, так что философ критикует разного рода проекты человеческой активности, понимающие себя в качестве человеческих операций с миром. Хотя у Бибихина мы также вычленяем экзистенциальную аналитику, но у него техника в первую очередь искажает не образ человека, а восприятие мира – но по Хайдеггеру бытие-в-мире является целостной структурой, т. е. в конечном счете из-за искажения понимания бытия искажается наша экзистенция, искажаются и закрываются наши экзистенциальные возможности. Когда Бибихин говорит о мире, он имеет в виду в том числе и определенную экзистенциальную возможность человека[42]. Бердяев критикует трансцендентизм, восприятие мира как объективированного, как внешнего себе, но при этом делает акцент на духе, который независим от объективации; Бибихин призывает вернуться в мир; но оба они критикуют такое отчужденное восприятие мира, разрыв между субъектом-экзистенцией и миром – и призывают к целостности.

В этом плане то, что на первый взгляд представляется непримиримой оппозицией, в действительности схоже по своим истокам: оба мыслителя в технике и технической цивилизации критикуют отчужденное мышление, разрыв экзистенциальной и онтологической целостности в человеческой жизни и отношениях человека и мира.

Литература

Антонов К.М. «Как возможна религия?»: Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX-XX веков. В 2 ч. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020.

Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 163-286.

Бердяев Н.А. Смысл творчества // Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 251-580.

Бердяев Н.А. Христианство и активность человека. Париж: YMCA-Press, 1929.

Бердяев Н.А. Человек и машина // Он же. Философия творчества, культуры и искусства. М.: Искусство, Лига, 1994. С. 499-523.

Бибихин В.В. Лес (hyle). СПб.: Наука, 2011.

Бибихин В.В. Мир. Томск: Водолей, 1995.

Бибихин В.В. Новый ренессанс. М.: Наука, Прогресс-Традиция, 1998.

[42] В частности, при сравнении философии «Леса» с постгуманизмом мы видим, что у Бибихина нет идеи преодоления человека и становления нас постлюдьми – он говорит об узнавании человеком себя в мире и в природе. *Павлов И.И.* Лабиринт техники и возвращение к природе: «Лес» Владимира Бибихина в контексте философского постгуманизма // Вопросы философии. 2024. № 3. С. 105-115.

Бибихин В.В. Отдельные записи 1965-1989 годов. СПб.: Владимир Даль, 2022.

Бибихин В.В. Философия и техника // Другое начало. СПб.: Наука, 2003. С. 347-362.

Бибихин В.В. Чтение философии. СПб.: Наука, 2009.

Горичева Т. Блажен иже и скоты милует. Любляна: Logos, 2000.

Келли К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее / Пер. с англ. Ю. Константиновой и Т. Мамедовой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.

Кнорре Е.Ю. Философия земли М.М. Пришвина в контексте экотеологии // Крестьяноведение. 2024. Т. 9. № 3. С. 73-91.

Михайловский А.В. Маятник модерна: дискуссии о технике в Германии. М.: Академический проект, 2024.

Ненадышук Е.М. Пределы технологического детерминизма: антропологическое измерение автоматизации в дискуссиях о будущем труда // Человек. 2024. Т. 35. № 4. С. 81-89.

Павлов И.И. Влияние секулярных и антисекулярных аспектов «нового религиозного сознания» на становление метафизики Н.А. Бердяева / дисс. … канд. филос. наук (09.00.03). М.: НИУ ВШЭ, 2021.

Павлов И.И. Лабиринт техники и возвращение к природе: «Лес» Владимира Бибихина в контексте философского постгуманизма // Вопросы философии. 2024. № 3. С. 105-115.

Розанов В.В. Около церковных стен. М.: Республика, 1995.

Русский космизм: антология философской мысли / Сост. С.Г. Семеновой и А.Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / под ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 319-344.

Сидорина Т.Ю. Прогресс, который мы потеряли: о выборе альтернативных путей социального развития и противостоянии технической экспансии в русской философии XIX-XXI вв. // Вестник РГГУ. Серия «Социология. Философия. Искусствоведение». 2023. № 4, ч. 2. С. 235-245.

Соловьев А.П. Образы секуляризации в русской религиозной философии второй половины XIX века // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 4 (12). С. 108-126.

Соловьев А.П. Русская религиозная философия XIX – первой половины XX вв. в контексте истории религии: от религиозной конверсии к культуркритике и конфессионализации // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 1 (13). С. 118-134.

Страхов Н.Н. Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб.: Тип. К. Замысловского, 1872.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.

Хайдеггер М. Вопрос о технике // Он же. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 221-238.

Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 41-62.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 192-220.

Щедрина И.О. Экология современной медицины: предвосхищающие идеи Д. Велланского // IV конгресс Русского общества истории и философии науки «Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире». М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. С. 175-179.

References

Antonov K.M. *"Kak vozmozhna religija?": Filosofija religii i filosofskie problemy bogoslovija v russkoj religioznoj mysli XIX–XX vekov* ["How is Religion Possible?" Philosophy of Religion and Philosophical Problems of theology in Russian Religious Thought of the 19th–20th century]. In 2 vols. Moscow: Izd-vo PSTGU Publ., 2020 (in Russian).

Berdyaev N.A. Chelovek i mashina [Man and Machine], in Berdyaev N.A. *Filosofija tvorchestva, kul'tury i iskusstva* [Philosophy of Creativity, Culture and Art]. Moscow: Iskusstvo, Liga Publ., 1994. P. 499-523 (in Russian).

Berdyaev N.A. Opyt jeshatologicheskoj metafiziki. Tvorchestvo i ob#ektivacija [An Essay on Eschatological Metaphysics. Creativity and Objectification], in Berdyaev N.A. *Carstvo Duha i carstvo Kesarja* [The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar]. Moscow: Respublika, 1995. P. 163-286 (in Russian).

Berdyaev N.A. Smysl tvorchestva [The Meaning of the Creative Act], in Berdyaev N.A. *Filosofija svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Act]. Moscow: Pravda Publ., 1989. P. 251-580 (in Russian).

Berdyaev N.A. *Hristianstvo i aktivnost' cheloveka* [Christianity and Human Activity]. Paris: YMCA-Press Publ., 1929.

Bibikhin V.V. *Chtenie filosofii* [Reading Philosophy]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2009 (in Russian).

Bibikhin V.V. Filosofiya i tekhnika [Philosophy and Technology], in Bibikhin V.V. *Drugoe nachalo* [Another Beginning]. Saint Petersburg: Nauka, 2003. P. 347-362 (in Russian).

Bibikhin V.V. *Les (hyle)* [The Woods (hyle)]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2011 (in Russian).

Bibikhin V.V. *Mir* [The World]. Tomsk: Vodolej, 1995 (in Russian).

Bibikhin V.V. *Novyi renessans* [The New Renaissance]. Moscow: Nauka, Progress-Traditsiya Publ, 1998 (in Russian).

Bibikhin V.V. *Otdel'nye zapisi 1965-1989 godov* [Selected Notes from 1965-1989]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2022 (in Russian).

Goricheva T. *Blazhen izhe i skoty miluet* [Blessed is He Who Has Mercy on Cattle]. Ljubljana: Logos Publ., 2000 (in Russian).

Heidegger M. Pis'mo o gumanizme [Letter on Humanism], in Heidegger M. *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches], trans. from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika Publ., 1993. P. 192-220 (in Russian).

Heidegger M. Vopros o tekhnike [The Question Concerning Technology], in Heidegger M. *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches], trans. from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika Publ., 1993. P. 221-238 (in Russian).

Heidegger M. Vremya kartiny mira [The Age of the World Picture], in Heidegger M. *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches], trans. from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika, 1993. P. 41-62 (in Russian).

Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time], trans. from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem Publ., 1997 (in Russian).

Kelly K. *Neizbezhno. 12 tehnologicheskih trendov, kotorye opredeljajut nashe budushhee* [The Inevitable. Understanding the 12 Technological Forces that Will Share Our Future], trans. from English by Ju. Konstantinova and T. Mamedova. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2017 (in Russian).

Knorre E.Ju. Filosofija zemli M.M. Prishvina v kontekste jekoteologii [Prishvin's Philosophy of Land in the Context of Ecotheology]. *Krest'janovedenie*. 2024. Vol. 9. N. 3. P. 73-91 (in Russian).

Mihajlovskij A.V. *Majatnik moderna: diskussii o tehnike v Germanii* [The Pendulum of Modernity: Discussions on Technology in Germany]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2024 (in Russian).

Nenadyshchuk E.M. Predely tehnologicheskogo determinizma: antropologicheskoe izmerenie avtomatizacii v diskussijah o budushhem truda [The Limits of Technological Determinism: The Anthropological Dimension of Automation in Discussions about the Future of Work]. *Chelovek*. 2024. Vol. 35. N. 4. P. 81-89 (in Russian).

Pavlov I.I. Labirint tekhniki i vozvrashchenie k prirode: «Les» Vladimira Bibikhina v kontekste filosofskogo postgumanizma [The Labyrinth of Technology and the Return to Nature: Vladimir Bibikhin's Lectures "The Woods" in the Context of Philosophical Posthumanism]. *Voprosy Filosofii*. 2024. N. 3. P. 105-115 (in Russian).

Pavlov I.I. *Vlijanie sekuljarnyh i antisekuljarnyh aspektov "novogo religioznogo soznanija" na stanovlenie metafiziki N.A. Berdjaeva* [The Influence of Secular and Anti-Secular Dimensions of the 'New Religious Consciousness'

on the Formation of N. Berdyaev's Metaphysics] (PhD Thesis). Moscow: HSE University, 2021 (in Russian).

Rozanov V.V. *Okolo cerkovnyh sten* [Near the Church Walls]. Moscow: Respublika, 1995 (in Russian).

Russkij kosmizm: antologija filosofskoj mysli [Russian Cosmism: An Anthology of Philosophical Thought], comp. by S.G. Semenova and A.G. Gacheva. Moscow: Pedagogika-Press Publ., 1993 (in Russian).

Sartre J.-P. Jekzistencializm – jeto gumanizm [Existentialism is Humanism], in *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods], ed. by A.A. Yakovlev. Moscow: Politizdat Publ., 1989. P. 319-344 (in Russian).

Shhedrina I.O. Jekologija sovremennoj mediciny: predvoshishhajushhie idei D. Vellanskogo [Ecology of Contemporary Medicine: Anticipating Ideas of D. Vellansky], in *IV kongress Russkogo obshhestva istorii i filosofii nauki "Nauka, tehnologii i cennosti v neustojchivom mire'* [IV Congress of the Russian Society for the History and Philosophy of Science "Science, Technology and Values in an Unstable World"]. Moscow: Russkoe obshhestvo istorii i filosofii nauki, 2024. P. 175-179. (in Russian).

Sidorina T.Ju. Progress, kotoryj my poterjali: o vybore al'ternativnyh putej social'nogo razvitija i protivostojanii tehnicheskoj jekspansii v russkoj filosofii XIX-XXI vv. [Progress that We Have Lost. On the Choice of Alternative Ways of Social Development and Opposition to Technical Expansion in Russian Philosophy of the 19th – 21st Centuries]. *RSUH/RGGU Bulletin: Philosophy. Sociology. Art Studies*. 2023. N. 4, part 2. P. 235-245 (in Russian).

Solovyov A.P. Obrazy sekuljarizacii v russkoj religioznoj filosofii vtoroj poloviny XIX veka [Images of Secularization in Russian Religious Philosophy at the Second Half of the 19th Century]. *Proceedings of the Department of Theology of the Saint Petersburg Theological Academy*. 2021. N. 4 (12). P. 108-126. (in Russian).

Solovyov A.P. Russkaja religioznaja filosofija XIX – pervoj poloviny XX vv. v kontekste istorii religii: ot religioznoj konversii k kul'tur-kritike i konfessionalizacii [Russian Religious Philosophy of the XIX – first half of the XX Centuries in the Context of the History of Religion: From Religious Conversion to Cultural Criticism and Confessionalization]. *Proceedings of the Department of Theology of the Saint Petersburg Theological Academy*. 2022. N. 1 (13). P. 118-134 (in Russian).

Strakhov N.N. *Mir kak celoe. Cherty iz nauki o prirode* [The World as a Whole. Traits from the Science of Nature]. Saint Petersburg: Tip. K. Zamyslovskogo Publ., 1872 (in Russian).

The Pole of Activity and the Pole of Passivity in Existential Reflection on Technology in Russian Philosophy: Nikolai Berdyaev and Vladimir Bibikhin[43]

Ilia Pavlov, PhD in Philosophy, Associate Professor, Junior Research Fellow, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow), elijahpavloff@yandex.ru

The article examines the existential reflection of technology in Russian philosophy based on the conceptions of N.A. Berdyaev and V.V. Bibikhin. It is shown that these conceptions represent a "pole of activity" and a "pole of passivity" in the issue of technology, respectively: while Berdyaev criticizes the suppression of a human by technology and calls us to an agent-based and subjective attitude to technology, then the object of Bibikhin's criticism is "human imperialism" and activism. Berdyaev's and Bibikhin's positions are analyzed in the broad context of the problem of the technological civilization and modernity in general, as well as the specific features of reflection on technology in the history of Russian thought. It is demonstrated that, despite significant differences, both Berdyaev and Bibikhin equally criticize alienated ways of human perception of their relations with the world, although they interpret the sources of this alienation in different ways, which is explained by the difference in the ontological foundations of their philosophical concepts.

Keywords: philosophy of technology, the history of Russian philosophy, existential philosophy, technological civilization, Nikolai Berdyaev, Vladimir Bibikhin

For citation: Pavlov I.I. (2025) The Pole of Activity and the Pole of Passivity in Existential Reflection on Technology in Russian Philosophy: Nikolai Berdyaev and Vladimir Bibikhin // *Metamorphosis*. Vol. 9. N. 3. P. 27-43.

Date of receipt: 15.02.2025.

[43] The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00273.